

— Но даже у самой длинной дороги есть конец, — Гу Саньюй обернулась, оглядывая школу, которая казалась одновременно знакомой и чужой. — Жизнь, наверное, как эта дорога. Даже если я сегодня пройду по ней снова и снова, она уже никогда не будет такой, как раньше.

До задних ворот школы оставался всего шаг. Лу Чжэ удержал её за руку:

— Каждый твой шаг отныне будет моим. Я буду рядом, пройду с тобой через долгие годы и тихие дни.

Гу Саньюй почувствовала тепло его ладони.

— Если будет время, я хочу приходить сюда снова.

— Я буду приходить с тобой, — кивнул Лу Чжэ.

Слова о любви всегда звучат особенно трогательно. Гу Саньюй была обычной женщиной, и, конечно, ей нравилось их слушать. Нельзя было отрицать, что слова Лу Чжэ заставляли её сердце биться чаще.

— А вы, декан Лу, оказывается, мастер говорить приятные вещи, — с восхищением заметила она. — Звучит слаще мёда.

Лу Чжэ, наблюдая за её живой мимикой, улыбнулся:

— Вижу, тебе по душе.

— Я люблю сладкое, — подмигнула Гу Саньюй. — Только не переставай.

Когда они вышли из школы, Лу Чжэ позвонили и сообщили о срочном совещании. Увидев, как он повесил трубку с озабоченным видом, Гу Саньюй сказала:

— Иди по делам, я не спеша дойду сама.

Лу Чжэ оценил её рассудительность:

— Победай вовремя. После совещания я позвоню.

Гу Саньюй махнула рукой с лукавой улыбкой:

— Спасибо, что составил мне сегодня компанию.

Лу Чжэ сел на водительское кресло и поманил её к себе. Она наклонилась, приблизив лицо:

— Что такое? У меня что-то на щеке?

Лу Чжэ повернул голову, изящно изогнув шею, и поцеловал её в уголок губ. Гу Саньюй машинально отпрянула, но Лу Чжэ был быстрее: он левой рукой придержал её за затылок и притянул обратно.

— Эй, ты...

Не дав ей договорить, он снова прильнул к её губам. Через мгновение Лу Чжэ отпустил её.

Лицо Гу Саньюй вспыхнуло. К счастью, это был гараж у задних ворот, людей почти не было, да и голова её была внутри машины — никто не должен был заметить. Лу Чжэ ущипнул её за щёку и с низким смешком произнёс:

— Раз уж придётся расстаться, нужно оставить себе напоминание.

— Декан хочет сказать, что один день разлуки для него как три осени? — она приподняла бровь. Надо же, находить такие поводы для того, чтобы потискать девушку — декан в этом деле первый мастер.

— Именно так, — в отличном настроении отозвался Лу Чжэ, насладившись украденным поцелуем.

Гу Саньюй указала на часы:

— Если не пойдёшь сейчас, телефон снова начнёт разрываться. Скорее иди.

Лу Чжэ смотрел в зеркало заднего вида на удаляющуюся фигуру Гу Саньюй. Как только он отъехал, она развернулась и пошла в противоположную сторону. Эта девчонка...

Всю дорогу Гу Саньюй думала о поцелуе Лу Чжэ. Дважды за день украсть поцелуй — до чего же он хитёр! Впрочем, мастерство поцелуя у него было безупречным. Но она со злой иронией подумала: такой мужчина, как Лу Чжэ, никогда не страдает от недостатка женского внимания, так что хорошая техника — это, наверное, вполне ожидаемо?

Она прикрыла лицо руками: Гу Саньюй, ну как ты можешь быть такой пошлой!

Вернувшись, она бросила в стиралку джинсы, на которых осталась пыль после утренней прогулки, надеясь, что завтра они успеют высохнуть. Надела шорты и, раздумывая, что бы съесть на обед, услышала звонок телефона.

Глава 10. Пир не к добру

Гу Саньюй взглянула на экран — Цинь Юэ.

— Алло, Саньюй, — раздался голос подруги. — Чем занимаешься?

— Стираю, — ответила она, включив громкую связь и засыпая порошок в машину.

— В самый полдень? С чего вдруг?

— Утром ходила к маме, испачкалась немного, — Гу Саньюй отряхнула руки. — Кстати, Юэ, я хотела тебе кое-что рассказать.

— Отлично, у меня тоже есть новости, — отозвалась Цинь Юэ. — Говори первая.

— Послезавтра я уезжаю на повышение квалификации в город Наньлинь, года на два, — сказала Гу Саньюй. — Уведомление пришло пару дней назад, собиралась сказать завтра.

— На два года? — голос Цинь Юэ взлетел вверх. — Ты решила использовать Технику Скрытого Перемещения под землей, чтобы сбежать от Гао Чжаня?

— Можно и так сказать, — ответила Гу Саньюй. — Об этом пока никто не знает, списки только вывесили. В среду Гао Чжань ждал меня внизу, я высказала ему всё, что думаю, но мне показалось, что он воспринял это совсем не так, как я ожидала.

— О? И что же он сказал? — Цинь Юэ не стала ждать ответа и продолжила: — Дай угадаю: он решил, что ты просто капризничаешь, и думает, что стоит ему тебя приласкать, как всё наладится?

— Как и всегда, — вздохнула Гу Саньюй. — Но я больше не хочу, как раньше. Не говоря уже о том, смогу ли я переступить через себя, при одном взгляде на него я вижу ту сцену, где он был с Хань Яньшэн.

— В его характере — попытаться вернуть тебя, как прежде, — проанализировала Цинь Юэ. — В таком случае, этот отъезд — лучший шанс скрыться, чтобы не мозолить себе глаза.

— Два года — срок немалый, но я думаю, этого хватит, чтобы поставить точку в наших отношениях, — сказала Гу Саньюй. — Так что там у тебя за новости?

— Ах да. Наш староста организует встречу выпускников. Многие давно не виделись, он звонил мне вчера и просил позвать тебя. Вроде бы ничего особенного, но... — Цинь Юэ замялась. — Хань Яньшэн была в нашем классе. Если пойдёшь, скорее всего, встретишь её.

Гу Саньюй молчала. Цинь Юэ нахмурилась:

— Если не хочешь идти, я скажу, что ты работаешь сверхурочно.

Она действительно не хотела идти. Как и сказала Цинь Юэ, ей хотелось держаться от этих двоих как можно дальше. Но внутри всё ещё klokотала обида, которой не давали выхода. Подумав, Гу Саньюй решила: встречусь — и ладно. В тот день, что бы ни думал Гао Чжань, она высказала всё, что у неё на душе. Теперь осталось только «нормально» поговорить с Хань Яньшэн.

Придя к решению, она ответила:

— Иду. Конечно, иду.

— Я думала, ты откажешься, — рассмеялась Цинь Юэ. — Только что говорила с Му Шань, она поспорила, что ты не пойдёшь.

— Сама приехать не может, вот и не хочет, чтобы я шла, — хохотнула Гу Саньюй. — Если я не появлюсь, Хань Яньшэн решит, что я её боюсь. С каких это пор Гу Саньюй стала такой простушкой, которую можно обижать?

— Не волнуйся, даже если бы ты была такой, неужели мы с девочками позволим тебя в обиду дать? — сказала Цинь Юэ. — Староста заказал столик в отеле Наньюань, в два часа.

— В два? — Гу Саньюй взглянула на часы. — Уже больше часа, обычно же такие встречи вечером проводят?

— Староста говорит, что столько лет не виделись, после обеда ещё будут дела, — фыркнула Цинь Юэ. — Только он мог такое затеять. Да и набралось-то всего человек двадцать-тридцать.

— Хорошо, я собираюсь, — Гу Саньюй начала перебирать шкаф. — Встретимся у входа в отель в два, зайдём вместе.

— Договорились.

Едва она повесила трубку, пришло сообщение от Лу Чжэ:

— Пообедала? Что делаешь?

Гу Саньюй задумалась и быстро напечатала ответ.

Лу Чжэ, сидя в зале совещаний, открыл сообщение: «Прихорашиваюсь перед походом на пир к врагам», — и добавил смайлик. Лу Чжэ нахмурился, хотел было что-то написать, но декан вызвал его выступать с докладом. Пришлось убрать телефон и подняться на трибуну.

Гу Саньюй ждала пять минут — ответа нет.

Может, занят? Но то, что он выкроил время, чтобы проверить, чем она занята, заставило её поверить, что Лу Чжэ действительно к ней неравнодушен.

Хотя до сих пор она относилась к его симпатии с долей сомнения. В книгах пишут: чтобы что-то получить, нужно сначала что-то дать. Ей было интересно, чего Лу Чжэ хочет от неё, ведь у неё, по сути, уже ничего не осталось.

Она отложила телефон и продолжила выбирать наряд — не пойдёшь же в чём попало. Наконец, выбрала платье А-силуэта с короткими рукавами: ярко-красный фон с золотистой окантовкой и ажурным принтом — цвет был очень броским. Длина до середины бедра как раз скрывала её не самую тонкую талию и ноги. Подумав, что к вечеру похолодает, она взяла короткий жакет цвета шампанского — смотрелось вполне достойно.

Она давно убрала косметику в чемодан, думая, что не пригодится, но пришлось доставать. Кажется, она целую вечность не красилась. Глядя на баночки и тюлени, она вспомнила университетские годы, когда вместе с соседками по комнате каждое утро рисовала стрелки и наносила основу. Потом, когда начала работать, решила, что тратить время на макияж и смывку — слишком большая роскошь, и забросила это дело.

Взяв в руки пуховку, она почувствовала, что рука отвыкла. Но три года практики в университете не прошли даром — техники быстро вспомнились. Кожа у неё была светлая, поры узкие, лишь следы от прыщиков у уголков губ требовали маскировки. Корректор справился с

этим легко.

Нарисовав брови, она нанесла на веки нежно-персиковые тени, добавила капельку коричнево-красного во внешние уголки, подвела тонкую линию и накрасила ресницы. Мотнула головой — глаза стали большими и выразительными. Последний штрих — помада в тон теням. Готово.

Из-под кровати она достала белые лакированные туфли на шпильке с острым носом. Открытый подъём визуально удлинял ноги. При росте 167 сантиметров, в этих восьмисантиметровых каблуках она выглядела очень статной. Покрутилась перед зеркалом — довольна. Раньше она обожала такие туфли, но на работе, когда приходилось много ходить и готовить ужин, они казались неудобными. Она купила их полгода назад, влюбившись с первого взгляда, но почти не носила. И вот сегодня они оказались как нельзя кстати.

Завив волосы плойкой и взяв нежно-розовую сумочку, она посмотрела на женщину в зеркале: лёгкие локоны, светлая кожа, изысканный макияж. Оказывается, стоит лишь немного привести себя в порядок, и она всё ещё очень даже ничего.

Гу Саньюй улыбнулась своему отражению:

— Ничего страшного. Ты всё та же Гу Саньюй.

Глава 11. Пир не к добру (часть 2)

Когда она подошла к входу, было ровно два часа. Цинь Юэ ждала её уже несколько минут. Увидев подругу, вышедшую из машины, она воскликнула:

— Давно не видела, чтобы ты так прихорашивалась. Даже непривычно.

Гу Саньюй взглянула на неё: Цинь Юэ тоже была с лёгким макияжем и в оранжевом приталенном кардигане — выглядела очень эффектно. Поймав взгляд подруги, та хитро улыбнулась:

— Всё-таки любовница разожгла в тебе боевой дух! Саньюй, тебе надо чаще так наряжаться.

Гу Саньюй взяла её под руку:

— Вторую часть я услышала. Обещаю, теперь буду следить за собой, чтобы вы с Му Шань не называли меня «потухшей домохозяйкой».

Цинь Юэ толкнула стеклянную дверь:

— Когда это я говорила, что ты выглядишь плохо? Это всё Му Шань, я никогда такого не заявляла.

— Твои взгляды говорили сами за себя, — ответила Гу Саньюй. — В них читалось такое глубокое разочарование, будто ты меня вообще не знаешь.

Цинь Юэ рассмеялась:

— А кто виноват, что ты на все встречи приходила в одних и тех же джинсах и футболке? Я думала, ты и сегодня, как на наши посиделки, накинешь что-нибудь по-быстрому.

— Разочаровала? — прищурилась Гу Саньйюй.

— Напротив, — похвалила Цинь Юэ. — Ты меня просто ослепила.

В этот момент они подошли к дверям банкетного зала. Официант открыл их. Внутри уже сидело человек двадцать, и все разом обернулись на вошедших.

Старые одноклассники. Кто-то работал в уезде Е, но почти не общался; кто-то изредка пересекался на улице или оставлял комментарии в соцсетях; а кто-то, как староста, пропадал на четыре-пять лет.

Гу Саньйюй, почувствовав на себе взгляды, весело сказала:

— Похоже, мы с Цинь Юэ опоздали, все такие пунктуальные.

— О, Саньйюй, иди сюда, садись! — староста поманил их к себе, официант расставил приборы. — Только что о вас говорили.

— Да? — спросила Цинь Юэ. — И что же?

— Что если не придёте — придётся штрафную пить. — Староста налил им по рюмке водки.

— Ну уж нет, — возразила Гу Саньйюй. — Мы пришли минута в минуту, ровно в два.

Кто-то за столом подначил:

— Саньйюй всё та же — ни в чём не уступит, своего не отдаст.

Она покосилась на Вэнь Синя, вспомнив, как в школе он любил с ней спорить:

— Что такое, Вэнь Синь? Опять хочешь поссориться?

Тот замахал руками:

— Нет-нет, куда мне с тобой тягаться.

Все рассмеялись, вспоминая школьные годы. Бывший староста класса Ян Мэй поинтересовалась:

— Слушай, Саньйюй, а где Гао Чжань? Почему не с тобой?

Староста поддержал:

— И правда, Гао Чжань же наш одноклассник. Нехорошо, как же ты мужа не привела?

Гу Саньйюй увидела, как Хань Яньшэн о чём-то перешёптывается с Цзянь Цзе, и, улыбнувшись старосте, ответила:

— О, насчёт того, пришёл он или нет, теперь не у меня спрашивать надо.

Цинь Юэ легонько сжала её руку под столом.

Гу Саньйой бросила взгляд на Хань Яньшэн:

— Придёт Гао Чжань или нет — это лучше у Яньшэн спросить. Правда ведь, Яньшэн?

За столом воцарилась тишина. Ян Мэй смутилась — она просто хотела подшутить, а вышло вон оно что. Хань Яньшэн, почувствовав на себе десятки глаз, растерянно спросила:

— Что случилось?

Староста неловко кашлянул:

— Кхм, ну... Саньйой шутит, правда же, ха-ха...

— А я не шучу, — лицо Гу Саньйой оставалось приветливым, но в глазах не было тепла. — Ян Мэй спросила, почему Гао Чжань не пришёл. Я и говорю: это надо у Хань Яньшэн спрашивать.

Цинь Юэ про себя подумала: «Ну точно, пришла бить любовницу». Она сделала глоток чая и спросила с любопытством:

— И правда, Яньшэн, где твой Гао Чжань?

— Он... Я не знаю, наверное, занят очень, — глаза Хань Яньшэн забегали, она снова приняла вид «обиженной жертвы».

Присутствующие всё поняли. Вот это драма!

Староста поспешил разрядить обстановку:

— Так, народ, давайте выпьем! За нашу встречу!

Гу Саньйой взглянула на Хань Яньшэн и пригубила вино. Ян Мэй видела, что Хань Яньшэн явно не в своей тарелке, и, сложив два и два, поняла, в чём дело. Она подошла к Гу Саньйой с бокалом:

— Саньйой, выпьем за встречу. Жаль, что в одном городе живём, а видимся редко. У каждого своя работа, семья, но наша дружба неизменна. Прости, если я что-то не то сказала, я искренне извиняюсь.

— Ну что ты, ради нашей дружбы я не стану мелочиться, — Гу Саньйой улыбнулась и выпила всё до дна.

Цинь Юэ замерла — это же целый бокал водки! Глупая Саньйой, как бы хороша ни была её голова, так пить нельзя. Ян Мэй тоже оторопела, но, увидев, что Гу Саньйой даже не поморщилась, восхитилась её удалью:

— Я не такая крепкая, как ты, выпью половину.

— Как хочешь, — легко отозвалась Гу Саньюй.

Ян Мэй начала расспрашивать её о работе, как вдруг Хань Яньшэн со старостой подошли к ним.

— Мы уже всех обошли, теперь ваша очередь, — улыбнулся староста. — Яньшэн тоже хочет выпить за Саньюй. Давайте так: выпьете вместе, всё-таки столько лет учились.

— Раз староста просит, я не могу отказать, — Гу Саньюй мягко улыбнулась, но взгляд её стал холодным, когда она посмотрела на Хань Яньшэн. — Но с ней... увольте.

Ян Мэй хотела было вмешаться, но Цинь Юэ дёрнула её за рукав и прошептала:

— Просто смотри шоу.

Хань Яньшэн, державшая полбокала водки, побледнела. Она сама взяла бутылку со стола и наполнила свой бокал до краёв:

— Саньюй, ради нашей старой дружбы... я... я прошу у тебя прощения...

Она сделала большой глоток, обожгла горло, закашлялась. Увидев, что лицо Гу Саньюй не дрогнуло, она выпила остатки и подняла пустой бокал:

— Саньюй... кхм... не сердись...

— Извиняешься? Хочешь, чтобы я не сердилась? — Гу Саньюй указала на нераспечатанную бутылку водки. — Если выпьешь эту бутылку до конца, я, так и быть, прощу.

Староста пытался подать ей знаки, но Гу Саньюй не сводила глаз с Хань Яньшэн. Цзянь Цзе, сидевшая рядом, видя, что дело принимает скверный оборот, встала на защиту подруги:

— Гу Саньюй, не слишком ли ты зарываешься? Как ты можешь так унижать Яньшэн?

— Унижать? — холодно усмехнулась Гу Саньюй. — Ты думаешь, твоя Хань Яньшэн — невинная овечка? Если бы это было так, она не прыгнула бы в постель к Гао Чжаню всего через два месяца. Признаю, я тебя недооценила — ты мастер бесстыдных игр.

Хань Яньшэн побелела ещё сильнее, слёзы брызнули из глаз:

— Саньюй, как ты можешь такое говорить?

Глава 12. Думаешь, Гу Саньюй такая простая?

— Или я не права? — Гу Саньюй излучала такой холод, что к ней было страшно подойти. — Я не хотела всё это выносить на люди, но каждый раз, когда я вижу твой притворно-слабый вид, меня тошнит. Ты ведь именно так и выпрашиваешь жалость, верно? Тебе уже за двадцать, а ты всё строишь из себя семнадцатилетнюю девочку? Чуть нахмуришься — и сразу «бедняжка с больной грудью»? Возомнила себя Линь Дайюй?

<http://bllate.org/book/22294/2334574>